

Два русла русской культуры

Русской культуре более тысячи лет. Ее зарождение обычно для многих культур: она создалась на основе соединения двух предшествующих.

Новые культуры не самозарождаются в каком-то изолированном пространстве. Если такое и бывает, то такое одинокое саморазвитие не дает оригинальных и длительных результатов. В целом любая культура рождается «между» и не на пустой поверхности. Отметим следующие особенности зарождения русской культуры.

Прежде всего русская культура родилась на огромном пространстве Восточно-Европейской равнины, и самосознание своей огромной протяженности постоянно сопровождало ее политические концепции, политические притязания, историософские теории и даже эстетические представления.

Далее. Русская культура родилась на многонациональной почве. От Балтийского моря на Севере до Черного моря на Юге жили многочисленные этнические образования — племена и народности восточнославянские, финно-угорские, тюркские, иранские, монгольские. Древнейшие русские летописцы постоянно подчеркивают многоплеменный характер Руси и гордятся им.

Россия всегда и в дальнейшем имела многонациональный характер. Так было от образования Русского государства и до самого последнего времени. Многонациональный характер был типичен для русской истории, русской аристократии, русской армии, науки. Татары, грузины, калмыки составляли отдельные подразделения в русской армии. Грузинские и татарские княжеские фамилии составляли более половины русского дворянства в XVIII—XX вв.

Далее. Та встреча двух культур, о которой я говорил вначале, потребовала из-за своих расстояний огромной энергии. И при этом огромность расстояний между воздействовавшими культурами усугублялась колоссальными различиями в типах культур: Византии и Скандинавии. С Юга на Россию воздействовала культура высокой духовности, с Севера — огромного военного опыта. Византия дала России христианство, Скандинавия — род Рюриковичей. Разряд колоссальной силы произошел в конце X в., от которого и следует вести отчет существованию русской культуры.

Сплав двух культур — христианско-духовной и военно-государственной, полученный с Юга и Севера, так и оставался не слившимся до конца. Два русла двух культур сохранялись в русской жизни, позволяя до самого последнего времени оспаривать единство русской культуры. Пришедшая на Русь византийская культура была связана с императорской властью в византийской форме, не привившейся на Руси. Явившаяся же на Русь скандинавская культура оказалась связана с быстро обрусевшим княжеским родом Рюриковичей, лишившимся своего скандинавского характера.

В этих своих новых формах византийская и скандинавская культуры не сливались на Руси и отчетливо приобрели различный характер: византийская культура была усвоена только наполовину с болгарским языком-посредником и приобрела ярко выраженный духовный характер. Скандинавская культура стала основой государственности материально-практического и даже материалистического характера.

Общая черта двух направлений русской культуры на всем протяжении ее существования — напряженные и постоянные размышления над судьбой России, над ее предназначением, постоянное противостояние духовных решений этого вопроса государственным.

Глубокое, принципиальное различие византийско-духовной культуры и примитивно-практической государственной, скандинавской, вынудило обе культуры отстаивать себя идеологически. Византийская церковная культура обосновывала свою правоту религиозной предназначенностью Руси — страны и народа. Светская же власть Руси

утверждала себя «юридически» — наследственными правами всего княжеского рода или той или иной его ветви.

Предвещателем духовной судьбы России и русского народа, от которого в значительной мере пошли все другие идеи духовной предназначенности России, явился в первой половине XI в. киевский митрополит Иларион {Иларион, митрополит Киевский с 1051. Первый митрополит из «природных русских». Кроме «Слова...» до нас дошли: «Исповедание веры», «Слово к брату-столпнику» и др.}. В своей речи «Слово о Законе и Благодати» он попытался указать на роль России в мировой истории.

«Юридическими» же обоснователями законности того или иного из представителей княжеского рода в их борьбе за государственную власть явились многочисленные летописцы. Летописцы внимательно следили за всеми перемещениями на княжеских столах (престолах), утверждая «законность» своего князя и его права на общерусское главенство.

Обе концепции «русской предназначенности» (духовной и генеалогической) распространялись по всей территории Руси и с модификациями существовали от XI в. до нашего времени. Концепция Илариона, считавшего Русь и ее главный город Киев преемниками миссий Константинополя и Иерусалима, продолжала существовать и после завоевания Руси в XIII веке татарами, а на падение Киева ответила усложнением концепции, видя в городах Владимире и Москве преемников Киева и Второго Рима — Константинополя.

Концепция же летописцев о происхождении княжеского рода от Рюрика искала примирения с татарской властью.

Нет сомнения, что духовное направление в развитии русской культуры получило значительные преимущества перед государственным.

На Руси усиленно насаждаются отшельнические монастыри. Монастыри становятся энергичными рассадниками духовного просвещения. Влияние греческого исихазма растет, и в монастырях укореняется национальное и религиозное самосознание. Усиленно развивается книжность, в частности делается много переводов с греческого.

С конца XIV в. укрепляется влияние Троице-Сергиева монастыря и основывается множество монастырей в той или иной степени зависимости от Троице-Сергиевого, в свою очередь дающие начало другим монастырям: Андроников монастырь, Кирилло-Белозерский, Спасо-Каменный, Валаамский, Спасо-Прилуцкий, Соловецкий. Новые мощные монастыри распространяются по всему Северу.

С падением татарского ига (условно можно считать 1476 г.) духовное направление в русской культуре имело все преимущества перед государственным, которому еще только предстояло возобновлять свои силы.

Церковное направление под пером псковского старца Елеазарова монастыря Филофея {Филофей, старец (или игумен) Трехсвятительского Псковского Елеазарова монастыря. Автор известных посланий к вел. князю Василию Ивановичу, к царю Ивану Грозному и др. В своих посланиях впервые развивает теорию о Москве как третьем Риме, хранящем правую христианскую веру.} в сжатой, почти афористической форме сформулировало идею Москвы — Третьего Рима.

Государственное направление также создало четкую, но чисто «юридическую» династическую концепцию русской государственности: русский царский род через Рюрика восходит к римскому императору Августу. Великие князья (цари) Москвы — законные наследники Августа. Они явились, минуя отпавший от православия (в результате Флорентийской унии) Второй Рим... Последняя теория возобладала в дипломатической практике Москвы. Она была изображена на царском месте в главном соборе России — Успенском в Московском Кремле,

Впоследствии в XIX в. обе теории перестали различаться, смешались в одну, что глубоко неверно. Теория старца Филофея чисто духовная, не претендующая на какие-либо новые

завоевания и присоединения. Она утверждает только духовную зависимость Москвы от двух предшествующих христианских государств: переход благодати. Теория же Спиридона-Саввы, изложенная им в «Сказании о князьях владимирских», — чисто светская и утверждает законность притязаний Москвы на все владения императора Августа. Это теория империалистическая в прямом и переносном смысле. Характерна разгоревшаяся в XVI в. борьба духовной и государственной власти. Эта борьба велась подспудно, ибо формально приоритет духовной власти, церкви, над светской в сущности никто не оспаривал. Это было в духе русской культуры. Главной святыней Московского государства всегда являлся Успенский собор Московского Кремля — усыпальница московских митрополитов, а не Архангельский собор Московского Кремля — усыпальница московских великих князей и царей. Характерно, что согласно Сказанию о происхождении московских князей из Первого Рима, а не от Второго Москва приглашает к себе строителей Московского Кремля именно итальянских архитекторов, но из городов, признававших приоритет духовной власти папы, и в первую очередь архитектора Аристотеля Фиораванти из Милана — города папистов. Московский Кремль строится с теми же зубцами, что и Милан, символизирующими духовную власть папы. Московский кремль оказывается со всех сторон огражденным взмахами орлиных крыльев — знаками гибеллинов (эти зубцы принято у нас ошибочно называть «ласточкиными хвостами»).

Борьба двух начал в русской культуре продолжается и в последующем. В борьбу втягиваются еретические движения. Монастырская жизнь разделяется на иосифлянское, связанное с государственной идеологией, и нестяжательское, связанное с духовными и мистическими настроениями, с отказом от богатств и от подчинения государству. Иосифляне побеждают. Иван Грозный подвергает жестокой расправе неподчиняющуюся ему церковь. Сам стремится духовно руководить церковью, пишет послания. Глава русской церкви митрополит Филипп {Филипп, святой, в миру Федор Степанович Колычев (1507–1569)}. С 1548 игумен Соловецкого монастыря. С 1566 митрополит Московский и всея Руси. Выступал за отмену опричнины, обличал кровавые ужасы и беззакония, творимые Иваном Грозным, вступался за гонимых, за что и был низложен и в заточении в Отроч монастыре задушен Малютой Скуратовым. В 1652 царь Алексей Михайлович принес покаяние церкви за низложение и мученическую смерть св. Филиппа. Его мощи были перенесены из Соловецкого монастыря в Успенский собор Московского Кремля. } схвачен во время богослужения, отправлен в Тверской Отроч монастырь и вскоре задушен.

Тем не менее гибель царствующей династии, не получившей законного продолжателя, и наступившая затем Смута позволяет вновь, как и ранее в период раздробления Русского государства в XII в., татарского ига в XIII—XV вв., возобладать духовному началу. Церковь и духовное начало в русской культуре помогает спасти Россию, создавая общий духовный подъем, давая деньги и оружие {Гермоген, патриарх Всероссийский с 1606 по 1612, в Смутное время путем проповеди и рассылаемых по городам грамот призывал народ стоять за православную веру. За отказ сотрудничать с поляками и переметнувшимися к ним боярами был заключен в Чудов монастырь. Из заключения под угрозой смерти благословил Минина и Пожарского, собиравших народное ополчение. «Да будет над ними милость от Бога и благословение от нашего смирения! А на изменников да излиется гнев Божий, и да будут прокляты они в сем веке и в будущем», — писал Гермоген в грамоте, посланной в Нижний Новгород. Умер он голодной смертью в заточении 17 февраля 1612г.

Дионисий (ок. 1570—1613), архимандрит Троице-Сергиевой Лавры, соратник патриарха Гермогена. Вместе с ним выходил к народу с патриотической проповедью, рассылал грамоты по городам России, призывая ратных людей спасти Отечество от поляков, побуждая всех имущих к пожертвованиям на вооружение народного ополчения. } И

самым первым шагом на пути к духовному возрождению было установление в 1589 г. единовластия патриаршества, укрепление личного начала в управлении церковью и духовной жизнью страны.

Личностное начало в культуре, в духовной жизни народа чрезвычайно важно.

После возрождения России в начале XVII в., две возглавляющие культуру личности играли первенствующую роль: патриарх и монарх.

Благодаря появлению сильной личности патриарха и возрождению монархии семнадцатый век обнаружил новые проблемы во взаимоотношении духовной и светской власти.

Светская власть за предшествующее время пострадала больше, чем церковная. Церковь приняла на себя многие функции светской власти. Первое время при малолетнем царе Михаиле Федоровиче Романове его отец патриарх Филарет пытался руководить государством. В середине и второй половине XVII в. притязания гораздо более серьезные определились у патриарха Никона, прямо называвшего себя «великим государем».

Стремясь распространить свою власть на все вновь присоединенные к России области Малороссии-Украины, где веками складывались свои обрядовые формы, отчасти под католическим влиянием, Никон решил реформировать церковную службу, сделать ее одинаковой для старой и новой частей государства.

Однако притязания духовной власти подменить собою светскую и реформировать церковь не удалось и закончились бедствием для русской духовной жизни на целых три столетия.

Большинство русского народа не приняло никоновских реформ либо приняло их с внутренней неприязнью, расхолодившей веру. Это ослабило церковь. Спротивление старообрядчества позволило Петру легко отменить патриаршество и восстановить первенство светского начала в русской культуре. Тем самым Петр похоронил личностное начало в управлении церковью и создал коллегиальное безличное управление через послушный ему Синод. Хорошо известно, что подчинение деспотической власти гораздо легче организуется при коллегиальном управлении, чем при единоличном. Так оно и случилось. Церковь оказалась в подчинении у государства и стала чрезвычайно консервативной. Третий Рим оказался не символом духовных связей с предшествующими двумя Римами, а знаком государственной силы и государственных амбиций. Россия превратилась в империю с имперскими притязаниями.

В середине XVIII в. в государственной жизни России господствовало только светское, «материалистическое» начало и преимущественный практицизм. Возрождение духовного начала повелось снова, как и раньше, с Афона и некоторых монастырей на Балканах.

Первым и явным успехом было зарождение в России недалеко от Калуги Оптиной пустыни, возродившей некоторые черты нестяжательства заволжских старцев. Второй победой была нравственная, духовная жизнь Саровской пустыни, давшей в первой половине XIX в. русской духовной жизни святого Серафима Саровского *{Серафим Саровский}*, преподобный, в миру Прохор Сидоров Мошнин. (1759—1833), старец-пустынник и затворник. Прославлен подвигами молчаливства и затворничества. По выходе из многолетнего затвора трудился над устройением Дивиевской женской общины, а также Ардатовской женской обители и Зеленогорской общины. Открытие его мощей последовало 19 июля 1903 года.}

Возрождение духовного начала шло разными тропами и дорогами. Отдельно теплилась духовная жизнь в старообрядчестве, отдельно в среде русской интеллигенции. Достаточно вспомнить светлый ряд писателей и поэтов — Гоголь, Тютчев, Хомяков, Достоевский, Константин Леонтьев, Владимир Соловьев и мн. др. В XX в. это уже огромная масса философов, для которых все еще основной проблемой размышлений являлась Россия, ее судьбы, прошлое и будущее: С. Булгаков, Бердяев, Флоренский, Франк, Мейер, Зеньковский, Ельчанинов и мн. др. Сперва в России, а затем в эмиграции создаются объединения русских мыслителей, их печатные издания.

Что же ожидает эту антитезу духовно-церковного и материалистически-государственного направления в развитии культуры? Не надо быть пророком, чтобы сказать, что государственное направление культуры должно будет пойти общеевропейским путем развития, которого потребуют постоянные отношения с иностранными государствами. Государство денационализируется. Оно уже сейчас не выражает волю народа. Депутаты в массе своей не способны создать новую государственную теорию. Для этого нужны личности и личностная власть. Кроме того, коллектив правителей рано или поздно приходит к заботе о своих интересах, к стремлению сохранить свое положение. «Парламентское болото» становится основной тормозящей силой всех нововведений. Депутаты ограничиваются заманчивыми для избирателей и неосуществимыми программами, потакают обывательским вкусам. Партии уже не могут выражать какие бы то ни было национальные идеи. В самых различных формах они помышляют лишь о защите своих депутатских интересов и на этой только почве способны к объединению. Бессилие коллективных форм управления (главенство парламента, советов, комиссий, комитетов и пр.) приводит к ослаблению культурной инициативы государства. Напротив, духовная культура начинает по-своему выигрывать без вмешательства государства, хотя и без его материальной поддержки. Всякие формы государственной идеологии — пережиток средневековья и в той или иной форме несут в себе недопустимые для практической государственной деятельности пережитки. Государство, не перестав быть идеологичным, не в состоянии защитить свободу человека. Напротив, государство, перестав быть идеологичным, перестает тем самым видеть в интеллигенции врага, не покушается более на интеллектуальную свободу. Высокие достижения культуры возможны прежде всего в обществе, где ничто не мешает развитию свободных и талантливых личностей.